

— Кто ты такая? — спрашивает вслух Кристина, обращаясь к зеркалу, где перед ней отражаются огоньки свечей, а за спиной комната проваливается во мрак. — Фокус в том, что в начале ты практически всегда знаешь, что будет в конце, — признаёт она.

Кристина наступает на холодные скрипучие доски пола. Температура еле вытягивает пятнадцать градусов, а на ней лишь бельё. Бедра перетянуты тонкими трусиками, чашечкам на лифчике почти нечего держать. Воздух стынет под музыку Lucia «Everything is cold». В лампе кипит вода с маслом ели и поднимается под потолок,

где висит склеенная гирляндой пыльная паутина. Смешиваясь с запахом сосновых дров в печи, аромат липнет к коже, и Кристина пахнет как дровосек в Канаде.

Кристина ставит чайник и сразу забывает о нём, потом снова ставит, не доводит до кипения, только подогревает, выключает, оставляет на минутку, как ей кажется, и забывает. Бросает чайник, варит кофе и идёт курить на балкон. Когда возвращается, подходит к шкафу и вываливает на пол вязкую и чёрную, как гудрон, массу шмоток. Пока ковыряется в ней, забывает о кофе.

Лилия Зима живет со своим мужчиной в его доме с тех пор, как переехала в незнакомый город. В ней вымученные сорок килограмм веса. Она худела всё лето по методике Кафки и Гамсуна: жрала саму себя изнутри. Сначала организм избавляется от всех доступных углеводов, потом перерабатывает отложенные жиры, в последнюю очередь к процессу подключаются белки. Когда голодарь теряет половину массы тела, наступает смерть. Лилия изучает своего двойника в зеркале, обводя пальчиками

торчащие кости. Наконец она довольна отражением. Но по-прежнему не чувствует себя счастливой. Потому что на этот раз её не устраивают волосы. Они истощились и поблекли. Что поделаешь, приходится выбирать: либо плохая причёска, либо толстые ноги.

Мужик Лилии возвращается домой крайне редко и то, чтобы переломаться. Он появляется из воздуха и взрывает большой косяк, от которого не отказался бы сам Ли Перри. Его беспокойные губы непрерывно шевелятся, напрасно сотрясая воздух. Лилия безразлично смотрит на его лицо, как на пустое место, пропуская мимо ушей весь трёп, словно включила радио для фона.

— Вот это они вообще, именно, да?! — громко комментирует он и показывает вытянутым пальцем на телевизор, где транслируют музыкальный клип какого-то рэппера. — Этот чёрный говорит, что Амнезия — говно! Представляешь? Это же мой товар! — с подозрением добавляет: — Он что, конкурент?

Сумасбродный господин гуляет по комнате, как ураган. На ходу разговаривает то по телефону, то с Лилией, то снова по телефону... или всё-таки с Лилией? Удаляется в дверь и лихорадочно стучит банками

и бутылками в холодильнике, пока ищет связующее звено для бутерброда.

— Что? — случайным образом выкрикивает в никуда.

— Наверное, я убью себя, — бормочет Лилия.

— Что говоришь? Повтори, — доносится с кухни.

— Я хочу погасить эту чёртову жизнь, — продолжает она загробным голосом и не двигается с дивана, словно пустила в него корни. — Или хочу хотя бы уйти от тебя.

— Что? Не слышу. Я перезвоню, — он выключает мобильник, возвращается в комнату с бутербродом в одной руке и шоколадкой в другой. Стоит перед Лилией с довольной физиономией, прямой спиной и в футболке с большой красной надписью «I am PROBLEMA». Рот у него никогда не затыкается. Даже когда он жуёт. И продолжает извергать много очень ценной информации, без которой невозможно жить. Как купить наркотики в Даркнэте. Чем хип-хоп Западного побережья отличается от хип-хопа Восточного. От чего умер Иззи И. На каких тачках ездит Крис Фронзак. И сколько зарабатывают видео-блогеры. Лилия пристально следит, что лепят его губы, и пробует настроиться на нужную волну.

— Почему ты всегда несёшь какую-то чушь? — возмущается она в итоге.

— Расшифруй мой код, детка! — он бросает вызов и ухмыляется. Его налитые кровью усталые глаза воспалены, веки как ровные края пореза, он смотрит на неё своими зияющими ранами, и Лилия понимает, что она и её мужчина находятся на разных гранях реальности. — Фух, злая была шишка, — он выдыхает с облегчением. — Хорошо, что закончилась.

Наконец он отправляется отдыхать, но продолжает говорить даже, когда спит. И невыносимо громко ДЫШИТ. Упустив последний шанс для сна, Лилия лежит в одной постели с драконом. Замученная навязчивыми мыслями, потерянная без причины, уставшая от тревоги, без которой уже не может жить, она словно ловит флэшбэк чего-то, что никогда не происходило. Как только начинает чесаться между пальцами на ноге, она психует и встаёт. Лилия двигает в «Хоспис» — приют для умирающих от тоски беспокойных душ, где нависают рушащиеся фасады пустых зданий, но на фоне развалин отдаёт надеждой, потому что здесь бьётся сердце примитивной клубной музыки.

Кристина Марр хронически больна скучной болезнью, непрерывно глотает таблетки, никогда не чувствует себя счастливой, будто блюёт внутри. Ничем не интересуется, никого не знает, не помнит имен, живет как в вакууме. Не жизнь, а вата. Дом перестал быть для неё безопасным местом, поэтому Кристина спасается бегством неважно куда, лишь бы просто продлить своё странное существование. Шхерится от людей в лесу. Гуляет на кладбище, как в парке, встречаясь взглядами с мертвецами. В католическом костёле слушает шумные как оркестр и тихие как молитва симфонии органа, вопящего как бесы или плачущего как ангелы. Но чаще всего Кристину можно встретить на концертах гастролирующих групп, имеющих для неё важность. Любую подготовительную мелочь, начиная с покупки билетов, она без шуток считает частью серьёзного ритуала. Все, кто получают на почту одинаковые картонки, знают, что должно произойти: каждый из них посвящён в обряд и теперь ждёт этот день и час. Участники собираются вместе ради единой цели, их судьбы сплетены на несколько часов. Чистая магия.

Зима. Всё вокруг мёртвое. Короткий день тонет в тусклой палитре и блюзе.

Солнце светит, но не греет. Отправляясь на концерт, Кристина совершает обход по улицам частного сектора. Взгляд устремлён под ноги, но иногда бродит с вялым интересом по сторонам, где выстроились коробки, разные как люди: скромные, уютные и ухоженные домики или запущенные обветшалые будки; высокие и роскошные, как дворцы, или свежие фундаменты будущих зданий, вылупившиеся из грязи стройки.

Кристина носит одежду на несколько размеров больше своей тощей плоской фигуры, поэтому, раскачиваясь на ходу, беззвучно бьётся костями о тяжёлый купол драпированного, как старые шторы, пальто. Её спутанные волосы настолько чёрные, что поглощают свет, испорчены дешёвой краской с аммиаком и пахнут трупом. Слишком тонкое лицо покрывают бледность и усталость. Глаза плотно растушёваны тенями в стиле некро смоки айс. В общем, Кристина выглядит так, будто только что поднялась из гроба и пошла гулять. В одной руке у неё дымит пластиковый стаканчик с горячим чаем из пакетика, в другой — сигаретка. На душе необычайно мирно и легко, потому что Кристина не чувствует темп жизни, будто весь мир завис на паузе, и кроме снега и пустых улиц больше ничего не существует.

Но покой перемежается с тревогой, напоминая, что эта тихая радость всё-таки очень зыбка, ведь даже когда ничего не происходит, время не стоит на месте.

Мимо Кристины катится дед на велосипеде. Ему уступает дорогу детская коляска с генетическим осколком внутри, которую толкает мамаша. Издалека доносятся вой сирены. Раздражающие звуки врезаются в мысли, бродят по кругу и застревают в висках пульсирующей болью. Рядом паркуется голубой мерседес slk, но не глушит двигатель. Окно открывается и звучит неприятно знакомый голос:

— Привет, Кря! Подкинуть?

Кристина осторожно заглядывает в салон, где за рулём сидит её приятель, худой и лохматый, как мамонт. Она опускает взгляд на полный стаканчик чая в своей руке, затем на сигарету в другой, как бы оценивая ситуацию, и поднимает обратно к водителю:

— Нет, не нужно.

— Да ладно, Кря, садись! Покатаю, — настаивает приятель.

— Откуда такая точилка? — Кристина недоверчиво интересуется.

— Друг дал погонять, — он невозмутимо отвечает.

— Неужели? — Кристина щурит глаза и обходит машину, задумчиво присматриваясь к ней, как Колумбо.

— Ты же меня знаешь, — говорит он, безобидно улыбаясь, что бы это ни значило.

Её приятель, известный как Кактус, зарабатывает на дозу, воруя в супермаркетах дорогую выпивку, и перепродаёт за бесценок в ларьки на улице. Но Кристина знакома с ним прилично давно и достаточно близко, чтобы притвориться, будто не узнала. Мотор настойчиво урчит. Кристина тяжело вздыхает, бросает недопитый чай и бычок на обочину рядом сдохлым голубем, заиндевевшим в луже льда, и покорно залезает в машину со знаком «СЕЛКА» вместо номера, хотя уже знает, что пожалеет об этом.

— У тебя есть друзья? — удивляется Кристина. — Ну, в смысле, упакованные — при бабках и с точилкой?

— Есть, один гей, — проясняет Кактус. — Ты домой?

— Нет. Вообще-то в центр.

— Ах, в центр, — он подозрительно долго думает и неуверенно соглашается, — Ну, в центр так в центр.

У Кактуса живёт курица по кличке Шанель. Он назвал её так, потому что она дорогого серого цвета: холодный воздушный

и ненавязчивый оттенок «устрица» мерцает серебристым отливом на оперении и мягко уравнивает тёплый и основательный коричневый. Парень очень любит свою птицу за её неповторимую красоту, даже показывает всем её фотки. Поэтому Кристина учтиво, но без интереса, спрашивает:

— Как дела у Шанель? — на что лицо парня приобретает траурный вид, а голос резко падает:

— Мамка её сварила. Я в ужасе, — он жалуется. — Даже не притронулся, хотя голодный.

— Со...чувствую, — озадаченно произносит Кристина и вытягивает физиономию.

— А как твои дела, Кря? — теперь спрашивает он.

— Что-то вообще никак, — сухо отвечает Кристина и смотрит вперёд на дорогу, куда катится её жизнь.

Начинает смеркаться. Город чернеет под хмурым и тяжёлым небом. Машина выезжает из частного сектора и сворачивает на проспект, вливаясь в транспортный поток. Кактус всё время болтает об общих знакомых, которых Кристина не видела много лет и предпочла бы вовсе не знать. Ей странно слышать даже их имена, дико и неестественно звучащие, давно ставшие чужими.